
Мария ЛЕОНТЬЕВА

* * *

Мы так и не сходили на пустырь,
Когда бывали около вокзала.
Нас не любило небо, но кивало
Всей чернотой, засмотренной до дыр.

Вот слепок с памяти, и он почти засох
И затвердел, у края раскрошился.
Мой дом там был, и он почти забылся,
Смешался с небом, как земли кусок.

Я к памяти иду на огонек.
Седьмой этаж. Скорее даже пятый.
Зима снаружи, разгребут лопатой, —
Останется постыдный ручеек.

Но высохнет и он, склон зацветет,
Но это позже все произойдет.

* * *

В зеркале заднего вида
Видно не свет и не тьму.
Кладбища в целом не видно,
Есть лишь преддверье к нему.

Шелестом, шорохом, цветом, —
Зелень для глаза — магнит.
То, что казалось рассветом,
На деле еще предстоит.

Едет автобус как будто
На высоте облаков.
В вечность уходят маршруты.
К вечности я не готов.

Мария Леонтьева родилась в 1988 году. Поэт, археолог. Живет в Санкт-Петербурге. Публиковалась в журналах «Аврора», «Звезда», «Урал», «Москва» и других. Автор книги стихотворений «Свили» (2023). Финалист конкурса к 130-летию В. Маяковского «А вы могли бы?». Ведущая поэтической Мастерской СПСЛ. Сотрудница Староладожской археологической экспедиции ИИМК РАН.

* * *

Блаженно спит горбатый Музеон
У берега Москвы-реки опрятной.
Играют: снега скромный патефон
И в телефон — прохожий непонятный.

Снег в поры забивается и в рот.
На нитях взгляда снегопад висит.
Зима внутри самой себя идет.
В безветрии бессмертие сквозит.

Так вот. На дне реки, в промозглом хрустале
Останется, как спица в тонкой пряже, —
Весь этот миг, очерченный во мгле
Мелком обломанным, рукой озябшей.

* * *

Когда весна, ее инструментарий —
Грохочущий зеленоглазый шум.
Коричневый оттаял планетарий,
Все потому, что я в него спешу.
Канал Обводный, водный и подводный,
Лед скидывает, оставаясь в не-:
В небесном, в неге, в неглиже, свободный,
Но берегами скованный вполне.
Небесных звезд просеивали массу,
Осталась только пыль на рукаве.
Дуй, музыкант, в осипшую пластмассу,
Слетайтесь воробышки под навес.
Бездомных звезд полно над головами,
Созвездий, патентованных на взлет.
Зажатое предвзятыми глазами,
Закрыто небо на переучет.

* * *

Никому не нужна твоя нежность, никому не нужна.
Птичья песня печальная далека, но слышна,
Через двор — видно издали — медленный кто-то идет,
И над ним в небе облако неторопливо ползет.
Скрыто небо за облаком так, что не видно ничуть.
Человек неизвестный идет, продолжает свой путь
До утра, до огня, до намеченной точки, пешком.
Освещает всю жизнь сигаретным своим огоньком.
Освещает мне ночь неприметным своим огоньком.

* * *

Представь, все это канет в Лету. Обычный двор и луч беды, Легко в обыденность одетый. Как в Лету канем мы и ты.	Вот мы — придуманы частично, Частично в вечность вплетены, Здесь — обнимаемся комично И вспышкой вдруг ослеплены.
И не останется, поверь мне, Ни капли смысла за душой. И мы останемся за дверью, За неизведанной межой.	На смелом фото против света, Лишь контур в желтое одет. Читатель требует сюжета, Но завершается сюжет.

* * *

Неприметная почта, с которой когда-то
Отправляли посылки мы сами себе:
Подзатершийся год, неизвестная дата,
Незначительный всполох в пропавшей судьбе.
Нынче письма идут без задержек столетних,
Не теряются, их не вручают не тем.
На той почте в окне был засохший столетник,
Продавались наклейки и проч. дребедень.
Кто напомнит прописку пропавшего лета
И посылок давнишних, зачем адресат
Выбывает навек. Память стерлась со света,
Не дыши, если будешь смотреть ей в глаза.

* * *

Липовый шелест и цвет,
Море асфальта и гравий.
Города серые грани,
Пепельный, влажный рассвет.

Доктор в котомке несет,
Переходя через площадь,
В книжке — цветочные мощи,
Старых рецептов блокнот.

Школьник несет что-нибудь,
Пенсионер — что-то тоже,
Самый печальный прохожий
Света приносит чуть-чуть.

На перекресток спешит
Белый пушок — одуванчик.
Звонкой июльской сдачей
Он в чью-то память зашит.